

АВТОРИТАРИЗМ XXI ВЕКА: АНАЛИЗ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЦЕЛЕВОЙ ПАРАДИГМЕ

© 2021 г. Ю. Нисневич

*НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич, доктор политических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, РФ, 101100 Москва, ул. Мясницкая, 20
(jnisnevich@hse.ru).*

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.

Статья посвящена исследованию современного авторитаризма в институционально-целевой парадигме. Представлен типологический анализ современных авторитарных режимов с выделением четырех категориальных групп – авторитарные монархии, коммунистические режимы, постколониальные диктаторы и неоавторитарные режимы. Последняя группа разделена на две подгруппы: трансформационные и постсоветские режимы. В качестве актуального направления исследований предлагается анализ современных практик авторитарного правления с учетом политико-исторической динамики влияющих на них эндо- и экзогенных факторов, обусловленных постиндустриальным цивилизационным транзитом.

Ключевые слова: авторитаризм, институционально-целевая парадигма, авторитарная монархия, коммунистический режим, диктатура, неоавторитарный режим.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119

В политической науке авторитаризм стал самостоятельным значимым объектом исследования со второй половины XX в. Первоначально он получил концептуальную интерпретацию как категория между тоталитаризмом и демократией, что нашло отражение в предложенной в 1975 г. Х. Линцем классификации политических режимов [1], которая в дальнейшем обрела широкое признание в форме классической классификации Линца–Степана [2].

При этом с начала в 1974 г. третьей волны демократизации [3] и практически до конца XX в. в политической науке основное внимание уделялось демократии в парадигме демократического транзита. В этой парадигме рассматривались и отличные от демократических режимы нового типа, которые стали возникать в ряде стран после падения тоталитарных режимов и диктатур, что привело к появлению феномена “демократия с прилагательными” [4]. Однако по мере того как становилось понятно, что парадигма демократического транзита не вполне адекватна политическим реалиям [5], в частности, что сущностью проявившихся режимов нового типа выступает не демократия, а авторитаризм, исследовательский интерес к авторитаризму стал заметно возрастать. Об этом наглядно свидетельствует динамика нарастания количества ежегодных публикаций, посвященных проблематике авторитаризма, которая представлена на рис. 1. При этом общее количество таких публикаций начиная с 2001 г. составило более 110 тыс.

Еще одним фактором возрастания исследовательского интереса к авторитаризму стало то,

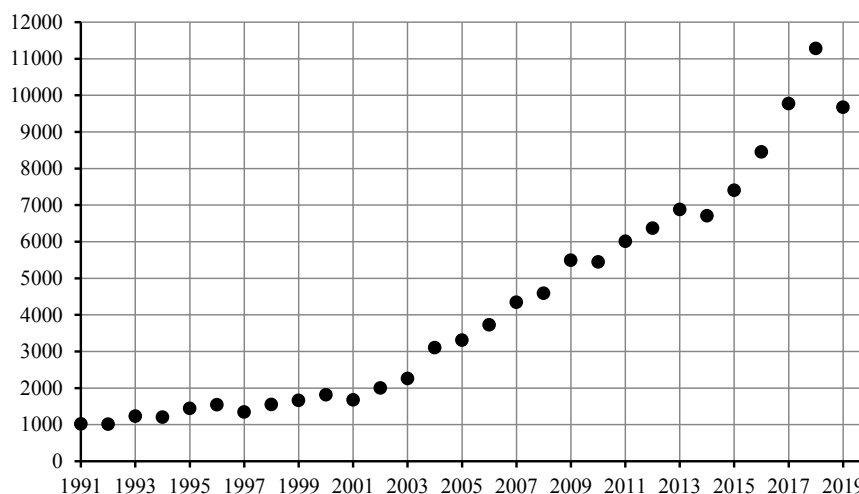
что третья волна демократизации к концу XX в. явно пошла на спад [6]. По версии *Freedom House* к началу XXI в. процесс демократизации достиг своеобразного насыщения, вышел на плато по количеству электоральных демократий – государств, правящие режимы в которых удовлетворяют минималистскому пониманию демократии И. Шумпетера, и далее приобрел характер расходящихся колебаний, что может свидетельствовать о неустойчивости этого процесса на текущем этапе политико-исторического развития (рис. 2).

При этом по состоянию на 2019 г. недемократические политические режимы остаются правящими в 80 (41.5%) из 193 суверенных государств – членов ООН, в которых, по данным Всемирного банка, проживает 3854.581 млн человек, что составляет 50.2% всего населения планеты.

Принципиально важное значение имеет и тот факт, что в условиях начавшегося с конца XX в. постиндустриального цивилизационного транзита [7] правящие авторитарные режимы постоянно мимикрируют, прежде всего под воздействием интенсивно изменяющихся экзогенных факторов, обусловленных кардинальными трансформациями поля мировой политики, и поэтому требуют особого внимания и новых подходов к их исследованию.

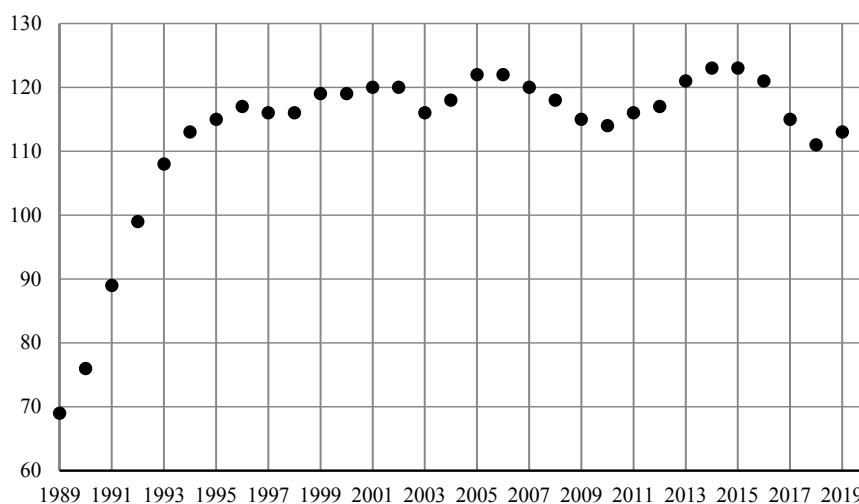
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В качестве основных направлений в современных исследованиях авторитаризма выделяются совершенствование классификации и измерения

Рис. 1. Количества ежегодных публикаций, посвященных проблематике авторитаризма, 1991–2019 гг.

Составлено автором на базе электронного каталога библиотеки НИУ ВШЭ.

Рис. 2. Процесс изменения количества электоральных демократий, 1989–2019 гг.

Составлено автором по данным *Freedom House*.

авторитарных режимов, а также анализ факторов, влияющих на их устойчивость и выживаемость [8, 9]. При этом открытым остается вопрос о концептуализации и определении в рамках различных исследовательских парадигм того, что есть авторитаризм в его современной ипостаси.

Для классификации и измерения авторитарных и в целом политических режимов используются два подхода: непрерывный и категориальный [10].

При непрерывном подходе авторитарные режимы рассматриваются в линейной концепции и размещаются на непрерывной шкале от тоталитарного/полностью авторитарного режима до режима полной демократии [9]. Достаточно широкий спектр таких классификаций опирается на понятие “серая зона” (*gray zone*) [5, 11] между однозначно

авторитарными диктаторскими режимами и режимами электоральной (минимальной) демократии. Для описания режимов в этой зоне используются понятия “гибридный режим” [12], “соревновательный авторитаризм” [13], “электоральный авторитаризм” [14] и им подобные, что порождает феномен “авторитаризм с прилагательными”, подобный феномену “демократия с прилагательными”. Линейная концепция является наиболее распространенной и используется для оценки (измерения) политических режимов на основе комбинированных индексов, в частности таких как *Polity 5* [15] и Индекс демократии *The Economist Intelligence Unit* [16], комбинации индексов гражданских свобод и политических прав (свободные, частично свободные, несвободные страны) *Freedom House* [17], а также в рамках классификации “Режимы мира” (*RoW*),

опирающейся на самую масштабную по временному охвату базу данных политических режимов “Варианты демократии” (*V-Dem*), которая включает данные для 197 государств с 1900 по 2016 г. [18]¹.

Категориальный подход основан на дихотомической классификации режимов – демократические и недемократические [19, 20]. При этом все авторитарные режимы рассматриваются как имеющие равный уровень “авторитарности” [21], поэтому их различают только по обобщенным моделям – типам режимов.

Наиболее широкое распространение имеет предложенный Б. Геддес акторный подход, при котором типология определяется тем, кто правит, то есть типом правящего политического актора [8, 9]. Геддес упрощает типологию авторитарных режимов и выделяет четыре типа диктатур: персоналистскую, партийную, военную и монархическую. Разработчики базы данных политических режимов “Демократия–Диктатура” (*Democracy–Dictatorship*) к признаку типологизации авторитарных режимов, предложенному Геддес, добавляют еще и такой признак, как институт, в котором сосредоточено руководство правящим режимом – политическое святилище (*inner sanctums*) [22]. При этом они еще больше упрощают типологизацию авторитарных режимов и выделяют всего три типа диктатур: монархическую, военную и гражданскую. Развитием предложенной Геддес категориальной классификации посредством добавления институционального компонента является и классификация авторитарных режимов, используемая в “Базе данных авторитарных режимов” (*Authoritarian Regimes Dataset, ARD*) [23]. В этой классификации выделяются также три основных типа авторитарных режимов: монархический, военный и электоральный, который в свою очередь подразделяется на непартийный, однопартийный и многопартийный. Вместе с тем в обеих классификациях, развивающих классификацию Геддес, персоналистский тип режима отсутствует, так как авторы этих классификаций полагают, что персонализация в том или ином виде характерна для всех типов авторитарных режимов.

Упрощенная (огрубленная) категориальная классификация авторитарных режимов используется их авторами для расширения временных (включая ретроспективные) и пространственно-географических границ поля исследования устойчивости и выживаемости таких режимов. При этом применяются количественные, в том числе математико-статистические, методы анализа без погружения в специфику политических практик

¹ По последней информации, база *V-Dem* включает данные для 202 государств за период 1789–2019 гг. Available at: <https://www.v-dem.net/en/data/data-version-10/> (accessed 10.12.2020).

и механизмов функционирования авторитарных режимов. Одновременно концептуализация понятия авторитарного режима также упрощается до его интерпретации как “основных неформальных и формальных правил, которые определяют, какие интересы представлены в авторитарной группе лидеров и могут ли эти интересы ограничивать диктатора” [21, p. 314].

Адекватность такой исследовательской стратегии для анализа авторитаризма XXI в. вызывает определенные сомнения. Насколько правомерным является включение в исследования (и прежде всего количественно) сопоставимых и равнозначных авторитарных режимов, даже относящихся к одному из указанных выше категориальных типов и правящих в одном государстве, но в разные политико-исторические периоды, без учета происходящих под воздействием эндо- и экзогенных факторов трансформаций политических институтов и практик, обеспечивающих функционирование режима.

СОВРЕМЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ЦЕЛЕВОЙ ПАРАДИГМЕ

В рамках институционально-целевой парадигмы современный авторитаризм может быть определен как форма организации политических и государственных порядков, основанная на использовании неформальных практик ради сохранения власти правящего политического актора (индивидуального или коллективного) и перераспределения общенациональных ресурсов в его интересах. В то же время авторитарный режим – это режим, реализующий в политическом и государственном управлении те или иные неформальные практики, в том числе искажающие смысл и содержание формальных институтов, для достижения своих замыслов.

Исторически основным механизмом авторитарного правления было и остается государственно-властное принуждение вплоть до прямого физического насилия. При этом современные авторитарные режимы осуществляют политический мотивированное принуждение как путем непосредственно неформальных практик запугивания, физического насилия (от избиений до убийств) и выдворения за границу оппозиционных деятелей и журналистов, так и используя формальные институты – органы правоохранительной системы, надзорные и контрольные органы государства в политических целях для преследования оппонентов правящего режима и подавления акций протеста против его решений и действий.

Современный авторитаризм наряду с государственно-властным принуждением применяет в по-

литическом и государственном управлении и другие механизмы, а также в ограниченных пределах конкуренцию в определенных секторах экономики.

Авторитарному правлению всегда сопутствовала и сопутствует коррупция во всех ее экономических и политических проявлениях. В исторических автократиях коррупция существовала как в форме фаворитизма — неформальной практики “политического управления” в непосредственном окружении правителя, так и в форме взяточничества на различных уровнях власти, но играла лишь дополняющую властное принуждение роль в поддержке и укреплении власти правителей.

Коррупция как один из неотъемлемых атрибутов и ключевых механизмов современных авторитарных режимов [24] стала отчетливо проявляться в политологических исследованиях с конца 1960-х годов и полностью “вышла из тени” дипломатии холодной войны как общемировая проблема в середине 1990-х. При этом стало понятно, что коррупция как неформальная политическая практика имеет широкое распространение и носит системный характер. Сегодня коррупционные практики применяются в авторитарной политике не только для реализации стратегии “разделяй и властвуй” с целью удержания власти [25, р. 164], но и более масштабно. Политическая коррупция (в англоязычной терминологии *political corruption*) в таких ее проявлениях, как электоральная коррупция и политический nepotизм, широко используется для целенаправленной деформации политических и государственных институтов, в частности института выборов, парламента и др., а государственно-политическая коррупция (в англоязычной терминологии *state policy corruption*) — для деформации в интересах правящего политического актора государственной политики в смысле стратегии, курса развития общества и государства [26].

Еще один механизм, свойственный современному авторитаризму, — манипулирование общественным мнением посредством воздействия на массовое сознание с целью обеспечения поддержки правящего режима. Его “прародительница” очевидна — это государственная идеологическая пропаганда, органически присущая тоталитаризму. Действительно и сегодня основой воздействия на массовое сознание служат описанные еще в 1936 г. классические методы и приемы такой пропаганды, включая целенаправленное искажение событийной информации и цензурирование сообщений СМИ [27].

Манипулирование общественным мнением как неформальная политическая практика проектируется “черными” информационно-политическими технологиями [28] и реализуется посредством как традиционных медиа (телевидение,

радио, печатные издания), так и постоянно увеличивающихся в масштабах современных средств медиакоммуникаций в сети Интернет (социальные сети, сетевые медиа, блоги, мессенджеры и др.), а также специально организованных для этого публичных провластных мероприятий.

В современных авторитарных режимах использование механизма манипулирования общественным мнением может до возникновения критических для сохранения власти ситуаций снижать потребность в применении и уровень политически мотивированного насилия, что позволяет интерпретировать авторитарный режим, использующий такое частичное замещение, как “информационную диктатуру” [29].

Здесь принципиально важно отметить, что постиндустриальный цивилизационный транзит, который представляет собой экзогенный фактор, влияющий на характер и свойства современных авторитарных режимов, является во многом результатом революционных изменений в сфере информационно-коммуникационных технологий, включая создание сети Интернет, что породило принципиально новые инфокоммуникационные угрозы и вызовы, в частности “открывает новые, ранее недостижимые возможности для манипулирования общественным мнением” [7, с. 93]. Между тем, если демократические режимы стремятся противодействовать и купировать эти и иные вновь возникающие угрозы и вызовы постиндустриального транзита, то авторитарные режимы, наоборот, стремятся использовать их в своих интересах, приобретая при этом новые свойства, отличающие их от авторитарных режимов предыдущих политико-исторических периодов.

В рамках институционально-целевой парадигмы правящие в XXI в. авторитарные режимы можно разделить на два подвида в зависимости от доминирующего механизма их функционирования. К первому относятся традиционные авторитарные режимы, в которых доминирующим механизмом служит принуждение. Ко второму относятся авторитарные режимы нового типа — неоавторитарные, или авторитарно-клетократические, в которых в зависимости от складывающейся политической ситуации и решаемых режимом задач политического и государственного управления доминирующим механизмом выступают либо системная коррупция, прежде всего в ее политических проявлениях, либо политически мотивированное государственно-властное принуждение и перманентно используется манипулирование общественным мнением.

Неоавторитарные режимы заполняют категориальный промежуток за пределом электоральной демократии и до традиционных авторитарных ре-

жимов (авторитарной монархии, диктатуры, коммунистического режима) и возникают либо в результате тех или иных трансформаций, вплоть до крушения традиционных авторитарных режимов, либо в результате авторитарного отката от демократического правления. Авторитарный откат представляет собой процесс установления режима доминирующей власти (*dominant-power politics*), при котором “одна политическая группировка — будь то движение, партия, семья или отдельный лидер — доминирует в системе таким образом, что в обозримом будущем смена власти представляется маловероятной”, и “результатом длительного удержания власти одной политической группировкой становится крупномасштабная коррупция и приятельский капитализм (*crony capitalism*)” [5, p. 11, 12].

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Для типологического анализа в институционально-целевой парадигме действующих в XXI в. авторитарных режимов может быть использован пошаговый алгоритм.

На первом шаге, в соответствии с дихотомическим подходом, все суверенные государства — члены ООН² разделяются на два кластера — демократические и недемократические государства с использованием бинарного индикатора — электоральной демократии, ежегодно определяемого *Freedom House*. Как уже отмечалось, по состоянию на 2019 г. кластер недемократических государств включает 80 стран.

Особое место в этом кластере занимает единственный сохранившийся в XXI в. как политический рудимент правящий с 1948 г. в Корейской Народной Демократической Республике диктаторский режим семейства Кимов, демонстрирующий все классические признаки тоталитаризма. Этот режим может рассматриваться как верхняя по максимуму политически мотивированного насилия граница условной шкалы современного авторитаризма.

На втором шаге, согласно методике, предложенной Геддес [21], в кластере недемократических государств отдельно выделяется 21 государство с неустоявшимися режимами. В эту группу входят Бангладеш, Бенин, Босния и Герцеговина, Замбия, Кения, Коморские Острова, Танзания, в которых авторитарный откат наблюдается не более чем на протяжении одного избирательного цикла (от одного года до четырех лет), и авторитарный режим еще окончательно не сформировался. В эту же

группу входят Ирак, Йемен, Ливия, Сомали, в них правящий режим не может сформироваться из-за продолжающейся гражданской войны или военно-политического противостояния после ее окончания. К ней также относятся Мали, Центральноафриканская Республика, Южный Судан, где правящие режимы неустойчивы и для стабилизации ситуации введены миротворческие вооруженные формирования под эгидой ООН³, и Гамбия, в которую в 2017 г. для отстранения от власти диктатора Яйя Джамме, проигравшего президентские выборы, но отказывавшегося передать власть, была введена военная миссия Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС). В шести государствах указанной группы — Гвинее-Бисау, Ливане, Мальдивских Островах, Мьянме, Нигере, Пакистане — правящие режимы остаются достаточно длительное время неустойчивыми из-за постоянной политической турбулентности, обусловленной перманентными военными переворотами и попытками таких переворотов, политическими кризисами, межпартийными, этнорелигиозными и иными конфликтами.

На третьем шаге для типологического анализа используется такой признак, как форма правления.

Первую группу по этому признаку составляют 11 авторитарных монархий. В нее не включены еще две конституционные парламентарные монархии с правящими авторитарными режимами. Во-первых, Таиланд, где при сохранении конституционной монархии (с 1932 г.) в мае 2014 г. произошел очередной 13-й военный переворот, в результате которого уже более шести лет действует диктаторский режим правления военных в форме временного военного правительства. Во-вторых, Камбоджа — здесь в 1993 г. была возрождена конституционная монархия, но власть после государственного вооруженного переворота в 1997 г. принадлежит премьер-министру Хун Сену, установившему персоналистскую диктатуру.

Группу традиционных авторитарных монархий составляют абсолютные монархии — теократический султанат Бруней-Даруссалам, эмират Катар, султанат Оман, федерация Объединенные Арабские Эмираты, теократическое Королевство Саудовская Аравия и конституционные дуалистические монархии — Бахрейн, Иордания, Кувейт, Эсватини (до 2018 г. Свазиленд), а также конституционные парламентарные монархии — Марокко и теократическая федерация Малайзия.

² Далее будут использоваться названия государств, приведенные на официальном сайте ООН. Available at: <https://www.un.org/ru/member-states/> (accessed 10.12.2020).

³ В настоящее время миротворческая миссия ООН действует также в Демократической Республике Конго для стабилизации ситуации в приграничных провинциях и защиты гражданского населения, но правящий режим после окончания в 2002 г. Второй конголезской войны достаточно устойчив.

Вторую группу, по признаку формы правления которой является такая специфическая республиканская форма, как советская республика, составляют государства с правящими авторитарными коммунистическими режимами – Вьетнам, Китай, Куба, Лаосская Народно-Демократическая Республика.

Здесь следует отметить, что Китай, который в соответствии с данными Всемирного банка по величине ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности, вышел на 1-е место в мире (хотя, если брать в расчете на душу населения, он занимает только 72–73-е место) и широко использует для политического и государственного управления современные информационно-коммуникационные технологии, в том числе и для продвижения идеологических установок правящей партии и манипулирования общественным мнением, демонстрирует особую модель авторитарного правления, получившую название “цифровой ленинизм” [30]. Эта модель позволяет КНР оказывать все возрастающее влияние в поле мировой политики и играть ведущую роль в процессе авторитарной диффузии [31].

На последнем шаге типологического анализа государства с республиканской формой правления, в которых правят устойчивые авторитарные режимы, разделяются на постколониальные диктатуры и государства с правящими неоавторитарными режимами.

Особый и исключительный случай среди всех современных государств с авторитарным правлением представляет Сингапур. В этой парламентской республике “мягкий диктатор” Ли Куан Ю создал уникальный авторитарный режим, который, с одной стороны, существенным образом ограничивает политические и гражданские права, а с другой – интенсивно стимулирует развитие рыночной экономики, жестко обеспечивает соблюдение верховенства закона и реализует эффективную систему подавления коррупции. Этот режим может рассматриваться как нижняя по минимуму политически мотивированного насилия граница условной шкалы современного авторитаризма.

В группу постколониальных диктатур входят 18 государств Африки, из которых президентская форма правления конституционно установлена в Анголе, Габоне, Гвинее, Джибути, Зимбабве, Конго, Мавритании, Сирии, Судане, Уганде, Экваториальной Гвинее, а президентско-парламентская – в Алжире, Демократической Республике Конго (ДРК), Камеруне, Руанде, Того, Чаде, Эритрее. При таких формах правления центральное место в системе высших органов государственного правления занимает институт президентской власти. Это во многом определяет тот факт, что в большинстве этих стран персонально правящим дик-

татором становится тот, кто занимает должность президента.

К группе постколониальных диктатур можно отнести три государства Азии. Две ранее упомянутые конституционные монархии – Камбоджа и Таиланд, а также президентскую республику Иран, в которой после свержения в результате Исламской революции 1979 г. авторитарной монархии шаха Мохаммеда Реза Пехливи была установлена теократическая диктатура.

В 18 из 21 постколониальной диктатуры их установлению предшествовали либо военный переворот, либо гражданская война с последующим захватом власти. Исключения составляют Камерун, Габон и Джибути, в которых “непрерывный период авторитаризма” [21] установился с момента обретения независимости и смена правителей происходила без эксцессов и переворотов.

В Камеруне действующий президент Поль Бийя пришел к власти после отставки в 1982 г. по состоянию здоровья первого президента Ахмаду Ахиджо и правит в течение почти 38 лет, дольше всех действующих диктаторов. В Габоне после смерти в 1967 г. первого президента Леона Мба главой государства стал Омар Бонго Ондимба, после смерти которого в 2009 г. прошла династическая передача власти его сыну Али Бонго Ондимбе. В Джибути первый президент Хасан Гулед Аптидон, правивший более 20 лет, в 1999 г. осуществил династическую передачу власти своему племяннику Исмаилу Гелле.

Династические передачи власти произошли также в ДРК, Сирии и Того. В ДРК после гибели при невыясненных обстоятельствах в 2001 г. президента Лорана-Дезире Кабилы власть перешла к его сыну Жозефу Кабиле, который не стал баллотироваться на третий срок на президентских выборах 2018 г., и при его поддержке новым лидером страны стал Феликс Чисекеди. В Сирии после смерти в 2000 г. президента Хафеза Асада власть перешли к его сыну Башару Асаду. Аналогично в Того после смерти в 2005 г. президента Гнассингбе Эйадемы власть перешли к его сыну Фор Гнассингбе.

Транзит авторитарной власти посредством передачи ее преемнику прошел в Иране, Анголе и Мавритании. В Иране после смерти в 1989 г. первого Высшего руководителя (лидера) аятоллы Рухоллы Хомейни эта должность и власть перешли к его соратнику и преемнику аятолле Али Хаме-неи. В Анголе правивший 38 лет Жозе душ Сантуш в 2017 г. передал полномочия своему преемнику Жуану Лоренсу. В Мавритании президент генерал Мохаммед ульд Абдель Азиз в 2019 г. делегировал власть своему преемнику – министру обороны генералу Мухаммеду ульд Газуани.

Смены правителей произошли также в Зимбабве, Алжире и Судане, но триггером для этого здесь послужили массовые акции протеста.

В Зимбабве на фоне массовых протестов под давлением военных и перед угрозой импичмента в 2017 г. старейший в мире 93-летней диктатор Роберт Мугабе, правивший почти 37 лет, ушел в отставку. И уже через три дня после его отставки в качестве нового президента был приведен к присяге первый вице-президент Эммерсон Мнангава, что обеспечило преемственность правящего режима.

В Алжире в апреле 2019 г. в результате массовых акций протеста, поддержанных военными и правящей партией “Фронт национального освобождения”, президент Абдель Азиз Бутефлика, находившийся у власти 20 лет, покинул пост. В декабре того же года президентом был избран действующий премьер-министр Абдельмаджид Теббун, что также обеспечило преемственность правящего режима.

В Судане после начавшихся в декабре 2018 г. массовых протестов в апреле 2019 г. произошел военный переворот, в результате которого Омар аль-Башир, занимавший президентское кресло более 25 лет, был отстранен от власти и установилась военная диктатура.

Четвертую категориальную группу составляет 21 государство с правящими неоавторитарными режимами. Эту группу можно разделить на две подгруппы в зависимости от “истоков” правящих режимов.

Первую подгруппу составляют 12 государств, в которых неоавторитарные режимы установились в результате трансформаций предшествующих режимов. Что характерно, 11 из этих государств — президентские республики, включая федерацию Нигерия, и только федерация Эфиопия — парламентская.

В четырех государствах трансформационные неоавторитарные режимы установились после свержения предшествующих диктаторских режимов.

В Эфиопии после свержения в 1991 г. диктаторского режима президента Менгисту Хайле Мариамы был введен корпоративный неоавторитарный режим, акторами которого являются этнические группировки.

В Афганистане на смену режима “Талибана”⁴, контролировавшему три четверти территории страны и свергнутому в 2001 г., пришел корпоративный неоавторитарный режим, его акторами стали противоборствующие политические группировки.

В Кот-д’Ивуаре после свержения в 2011 г. диктатора Лорана Гбабо, который был арестован

⁴ Организация, запрещенная в РФ.

и передан Международному уголовному суду, установился персоналистский неоавторитарный режим президента Аlassана Уаттары.

В Египте в результате военного переворота в 2013 г. был свергнут диктаторский режим президента Мухамеда Мурси и организации “Братья-мусульмане”⁵, на смену ему пришел персоналистский неоавторитарный режим президента Абделя Фаттаха ас-Сиси.

В восьми государствах трансформационные неоавторитарные режимы установились в результате завершения авторитарного отката и перехода в режим доминирующей власти, что можно фиксировать по информации *Freedom House* о том, что данное государство перестает идентифицироваться как электоральная демократия.

Вследствие авторитарного отката неоавторитарные режимы доминирующей личной власти установились: в Венесуэле с 2008 г. — президента Николаса Мадуры, ставшего в этом году преемником умершего президента Уго Чавеса; Бурунди с 2010 г. — президента Пьера Нкурунзиза, избранного на эту должность парламентом в 2005 г., а в 2010 г. — на прямых выборах, на которых он был единственным кандидатом, с 2020 г. президентом стал его преемник Эварист Ндайишимие; Никарагуа с 2011 г. — президента Даниэля Ортеги, возглавляющего правящий Сандинистский фронт национального освобождения и занявшего должность президента в результате демократических выборов в 2007 г.; Турции с 2016 г. — президента Реджепа Эрдогана, который стал президентом в 2014 г., а до этого при парламентской форме правления занимал должность премьер-министра с 2003 по 2014 г.

По причине авторитарного отката неоавторитарные режимы доминирующей власти корпоративного типа установились: в Нигерии с 2005 г. — религиозных, политико-экономических группировок; Гондурасе с 2009 г. — правящей Национальной партии; Мозамбике с 2009 г. — правящей партии ФРЕЛИМО; на Гаити с 2010 г. — политико-экономических группировок.

Вторую подгруппу составляют девять бывших советских республик, общим “истокom” правящих режимов в которых послужил распад СССР.

Это определяет тот факт, что правление постсоветских неоавторитарных режимов осуществляют социальные слои, которые являются прямым наследием советской партийно-хозяйственной номенклатуры. Представители этих слоев привнесли в политическое и государственное управление новых государств неформальные практики советской номенклатуры, включая коррупцию во всех ее проявлениях [32].

⁵ Организация, запрещенная в РФ.

Во всех государствах этой подгруппы первыми конституциями были установлены республиканские формы правления с доминированием института президентской власти: президентская — Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан; президентско-парламентская — Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан. Впоследствии Кыргызстан после множественных изменений конституции в 2010 г. формально стал парламентской республикой при широких директивных полномочиях президента. В Армении в 2015 г. для сохранения своей власти правящей политико-экономической группировкой была введена парламентская форма правления.

Персоналистские неавторитарные режимы были установлены непосредственно после распада СССР в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане, а позже в Азербайджане, Белоруссии и Таджикистане.

В Казахстане в 1991 г. должность президента занял первый секретарь ЦК Коммунистической партии Казахской ССР Нурсултан Назарбаев, который в 2019 г. передал должность своему преемнику Касыму-Жомарту Токаеву, сохранив за собой должность председателя Совета безопасности и председателя правящей партии Нур Отан.

В Туркменистане в 1991 г. президентом стал первый секретарь ЦК Коммунистической партии Туркменской ССР Сапармурат Ниязов, а после его смерти в 2006 г. должность и власть перешли к его преемнику Гурбангулы Бердымухамедову. Таким образом была сохранена преемственность правящего авторитарного режима.

В Узбекистане в 1991 г. пост президента занял первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекской ССР Ислам Каримов, который управлял страной почти 30 лет. После его смерти в 2016 г. вступил в должность и исполняет возложенные на него функции Шавкат Мирзиёев.

В Азербайджане в 1991 г. возглавил республику в качестве президента первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджанской ССР Аяз Муталибов. Однако из-за военных неудач в Нагорном Карабахе сначала Муталибов в 1992 г. под давлением Народного фронта Азербайджана вынужден был подать в отставку, а затем и вновь избранный в том же году президентом руководитель этого фронта Абульфаз Эльчибей в 1993 г. добровольно передал власть бывшему члену Политбюро ЦК КПСС Гейдару Алиеву. После смерти Гейдара Алиева в 2003 г. прошла династическая передача власти его сыну Ильхаму.

В Белоруссии первые и единственные демократические выборы в 1994 г. выиграл Александр Лукашенко — директор совхоза “Городец” и один

из лидеров фракции “Коммунисты Беларуси за демократию” в Верховном Совете республики. Лукашенко достаточно быстро установил авторитарный режим личной власти и пока продолжает удерживать ее, несмотря на массовые акции протеста после президентских выборов 2020 г.

В Таджикистане на фоне гражданской войны, начавшейся в 1991 г., первые после принятия новой конституции президентские выборы 1994 г. выиграл Эмомали Рахмонов (Рахмон), который также достаточно быстро ввел авторитарный режим личной власти, граничащий с диктатурой, и управляет страной уже более 25 лет.

В Кыргызстане еще в 1990 г. главой республики стал президент Академии наук Киргизской ССР Аскар Акаев, который установил режим личной власти. В 2005 г. в результате массовых акций протеста, получивших название “тюльпановая революция”, он был отстранен от власти и бежал в Россию. В том же году президентом стал Курманбек Бакиев, который также установил режим личной власти и также был отстранен от власти в 2010 г. в результате массовых акций протеста и бежал в Белоруссию. После того как в 2010 г. Кыргызстан стал парламентской республикой, установился неавторитарный режим корпоративного типа, акторами которого являются земляческие и родовые кланы.

В Армении в 1991 г. первым президентом стал председатель Армянского общенационального движения Левон Тер-Петросян, начавший постепенно устанавливать режим личной власти, но в 1998 г. из-за разногласий в правительстве по поводу путей разрешения конфликта в Нагорном Карабахе он ушел в отставку. С 1998 г. в Армении установился корпоративный неавторитарный режим политико-экономической группировки, которую поочередно персонифицировали, занимая должность президента, Роберт Кочарян (1998—2008) и Серж Саргсян (2008—2018). В результате массовых акций протеста в 2018 г. против выдвижения С. Саргсяна на ключевую при парламентской форме правления должность премьер-министра эта группировка была отстранена от власти. Новым премьер-министром стал Никол Пашинян, который возглавил победивший на досрочных парламентских выборах блок “Мой шаг”. Дальнейшее развитие политической ситуации в Армении будет существенным образом зависеть от трех внешних факторов: конфликта в Нагорном Карабахе, экономической зависимости от российских энергоносителей и наличия влиятельной во многих странах армянской диаспоры, которая по численности в 2,5—3 раза превышает численность населения республики.

Политический режим в постсоветской России обладает рядом институциональных и социально-

политических особенностей [32], и в рамках исследований постсоветских неоавторитарных режимов он представляет собой отдельный, самостоятельный объект исследования.

Приведенный пошаговый алгоритм типологического анализа современных авторитарных режимов может быть использован для последующих уточнений распределения таких режимов по обозначенным категориальным группам.

* * *

Представленный типологический анализ авторитаризма XXI в. позволил выделить четыре категории правящих в настоящее время авторитарных режимов.

Авторитарные монархии и коммунистические режимы представляются политическим анахронизмом, но они пока сохраняют достаточные запасы устойчивости, в том числе и благодаря проведению ограниченных институциональных изменений (созданию частично избираемых законосовещательных советов [33], расширению практики регулируемых выборов на местном уровне [34] и др.) с целью адаптации к современным политико-историческим условиям и вызовам.

Границы между диктатурами и неоавторитарными режимами в определенной мере являются условными и достаточно подвижными. Неоавторитарные режимы в ситуациях, критических для удержания власти, используют весь арсенал практик жесткого политически мотивированного насилия, присущих диктатурам, как, например, в случаях Венесуэлы и Белоруссии. В свою очередь диктаторские режимы для имитации соответствия современным требованиям и демонстрации “смягчения нравов” используют широкий набор практик неоавторитарных режимов, прежде всего электоральной коррупции для плебисцитарной самолегитимации.

Последнее обстоятельство обусловлено тем, что “даже самые твердокаменные диктаторы считали себя обязанными получить хотя бы налет демократической легитимности, устроив выборы” [35, с. 57]. Действительно, в конституциях 95% современных государств институт выборов установлен

как базовый механизм формирования публичной власти. Поэтому все авторитарные режимы используют различные неформальные практики электоральной коррупции для деформации института выборов, его трансформации в процедуру контролируемого формирования органов власти посредством манипулирования процессом голосования.

В этом контексте классификация современных авторитарных режимов по электоральному признаку (электоральный авторитаризм, состязательный авторитаризм и др.) [8] представляется не вполне продуктивной, так как в рамках такой линейной непрерывной классификации подавляющее большинство авторитарных режимов, кроме авторитарных монархий и коммунистических режимов, включается, по сути, в одну категорию, и режимы различаются только по степени деформации института выборов. Таким образом, содержательный смысл, а тем более количественные оценки степени такой деформации, а именно являются ли выборы в большей или меньшей степени честными, свободными и/или конкурентными, в принципе не поддаются адекватному определению.

Типологизация авторитарных режимов в институционально-целевой парадигме может послужить отправной точкой дальнейших исследований авторитаризма в условиях постиндустриального цивилизационного транзита как становления целостной общепланетарной цивилизации. Такие феномены транзита, как глобализация, обуславливающая существенную транспарентность государственных границ, технологическая революция (прежде всего в сфере инфокоммуникационных технологий), повышение миграционной мобильности, распад биполярного и неопределенность нового миропорядка, создают качественно новые политико-исторические условия и порождают новые вызовы и угрозы не только экзогенного, но и эндогенного характера всем политическим режимам. Поэтому, на наш взгляд, важным направлением исследований должно стать изучение и анализ современных практик авторитарного правления [36] в институционально-целевой парадигме с учетом политико-исторической динамики влияющих на такие практики эндо-и экзогенных факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. *Handbook of Political Science, vol. 3. Macropolitical Theory*. Greenstein F.I., Polsby N.W., eds. Reading, Massachusetts, Addison-Wesley Pub. Co., 1975, pp. 175-411.
2. Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore, London, Johns Hopkins University Press, 1996. 504 p.
3. Huntington Samuel P. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, Oklahoma, University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.
4. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. *World Politics*, 1997, vol. 49, no. 3, pp. 430-451.

5. Carothers T. The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 1, pp. 5-21.
6. Diamond L. Is the Third Wave Over? *Journal of Democracy*, 1996, vol. 1, no. 3, pp. 20-37.
7. Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. *Становление постиндустриальной цивилизации: от цифровизации до варварства*. Москва, Издательство Юрайт, 2019. 212 с. [Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. *Formation of Post-Industrial Civilization: from Digitalization to Barbarism*. Moscow, Izdatel'stvo Iurait, 2019. 212 p. (In Russ.)]
8. Шкель С.Н. Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки. *PolitBook*, 2013, № 4, сс. 120-139. [Shkel' S.N. New Wave: Diversity of Authoritarianism as Reflected in Contemporary Political Science. *PolitBook*, 2013, no. 4, pp. 120-139. (In Russ.)]
9. Frantz E. Authoritarian Politics: Trends and Debates. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 87-89.
10. Ezrow N., Frantz E. *Dictators and dictatorships: Understanding authoritarian regimes and their leaders*. New York, NY, Bloomsbury Publishing, 2011. 334 p.
11. Diamond L. Thinking about Hybrid Regimes. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 21-35.
12. Karl T.L. The Hybrid Regimes of Central America. *Journal of Democracy*, 1995, vol. 6, no. 3, pp. 72-86.
13. Levitsky S., Way Lucan A. Elections Without Democracy: The Rise of Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 51-65.
14. Schedler A. Elections Without Democracy: The Menu of Manipulation. *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 2, pp. 36-50.
15. Marshall M.G., Gurr T.R. *Polity5: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2018. Dataset Users' Manual*. Center for Systemic Peace, 2020. Available at: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5manualv2018.pdf> (accessed 12.11.2020).
16. Democracy Index 2019: A year of democratic setbacks and popular protest. *The Economist Intelligence Unit*, 22.01.2020. Available at: http://www.eiu.com/public/thankyou_download.aspx?activity=download&campaignid=democracyindex2019 (accessed 12.11.2020).
17. Repucci S. *Freedom in the World 2020. A Leaderless Struggle for Democracy*. Freedom House, 2020. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FIW_2020_REPORT_BOOKLET_Final.pdf (accessed 12.11.2020).
18. Lührmann A., Tannenberg M., Lindberg S. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 1, pp. 60-77.
19. Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F., Przeworski A. Classifying political regimes. *Studies in Comparative International Development*, 1996, vol. 31, no. 2, pp. 3-36.
20. Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World 1950–1990*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000. 340 p.
21. Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. *American Political Science Association*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 313-331.
22. Cheibub J., Gandhi J., Vreeland J. Democracy and Dictatorship Revisited Codebook. *Public Choice*, 2010, vol. 143, no. 1, pp. 67-101.
23. Wahman M., Teorell J., Hadenius A. Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective. *Contemporary Politics*, 2013, vol. 19, no. 1, pp. 19-34.
24. Diamond L. How to Save Democracy. *Hoover Digest*, 2019, no. 4, pp. 40-49.
25. Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. Kleptocracy and Divide-and-Rule: A Model of Personal Rule. *Journal of the European Economic Association*, 2004, vol. 2, no. 2-3, pp. 162-192.
26. Нисневич Ю. Что есть политическая коррупция. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 12, сс. 133-138. [Nisnevich Yu. What is Political Corruption. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 12, pp. 133-138. (In Russ.)] Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-133-138>
27. Miller C.R., Edwards V. The intelligent teacher's guide through campaign propaganda. *The Clearing House*, October 1936, vol. 11, no. 2, pp. 69-77. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00098655.1936.11474219> (accessed 12.11.2020).
28. Россошанский А. Особенности “черных” информационно-политических технологий. *Власть*, 2011, № 5, сс. 41-44. [Rossoshanskii A. Features of “dirty” Information and Political Technologies. *Vlast'*, 2011, no. 5, pp. 41-44. (In Russ.)]
29. Guriev S., Treisman D. *How Modern Dictators Survive: An Informational Theory of The New Authoritarianism*. NBER Working Paper Series. Working Paper 21136, April 2015, National Bureau of Economic Research, Cambridge. Available at: <https://www.nber.org/papers/w21136> (accessed 12.11.2020).
30. *Mao's Invisible Hand: The Political Foundations of Adaptive Governance in China*. Heilmann S., Perry Elizabeth J., eds. Cambridge, MA, London, Harvard University Asia Center, 2011. 336 p.
31. Ambrosio T. Authoritarian Norms in a Changing International System. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 120-123.
32. Нисневич Ю.А. Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя в постсоветской России. *Социологические исследования*, 2018, № 8, сс. 143-152 [Nisnevich Yu.A. Regeneration of the Nomenclature as a Ruling Social Stratum in the Post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 2018, no. 8, pp. 143-152. (In Russ.)]

33. Faisal bin Mishaal bin Saud Al-Saud *Decision Making and the Role of Ash-Shura in Saudi Arabia: Majlis Ash-Shura (Consultative Council): Concept, Theory, and Practice*. Massachusetts, Vantage Press, 2004. 216 p.
34. Ezrow N. Authoritarianism in the 21st Century. *Politics and Governance*, 2018, vol. 6, no. 2, pp. 83-86.
35. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Москва, АСТ, 2007. 588 с. [Fukuyama F. *The End of History and The Last Man*. Moscow, AST, 2007. 588 p. (In Russ.)]
36. Glasius M. What authoritarianism is ... and is not: a practice perspective. *International Affairs*, 2018, vol. 94, no. 3, pp. 515-533.

**AUTHORITARIANISM OF THE 21ST CENTURY:
ANALYSIS IN THE INSTITUTIONAL PURPOSE PARADIGM**

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 109-119)

Received 15.01.2021.

Yulii A. NISNEVICH (jnisnevich@hse.ru),

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

This article covers the study of modern authoritarianism in institution-targeted paradigm and describes the main trends in modern research: refinement of classification and measurement of authoritarian regimes; analysis of factors influencing their stability and survival. It considers continuous and categorical approaches to classification of political regimes. Authoritarianism is defined as a form of organization of political and state orders based on the use of informal practices in order to retain the power of the ruling political actor (individual or collective) and redistribute the national resources in his interest. This article also presents a new type of authoritarian regimes – neo-authoritarian, where depending on the current political situation and tasks of political and state governance faced by the regime, the dominant mechanism is either systemic corruption or politically motivated state power coercion alongside permanent manipulation of public opinion. The typological analysis of modern authoritarian regimes presented in the article identifies four categorial groups: authoritarian monarchies, communist regimes, postcolonial dictatorships and neo-authoritarian regimes. The latter is divided into two sub-groups: transformational neo-authoritarian regimes established as a result of overthrow of previous dictatorial regimes, or authoritarian reversals; post-Soviet authoritarian regimes stemming from the collapse of the Soviet Union, where the same type of governing social stratum is a direct legacy of the Soviet party and economic nomenklatura. The boundaries between postcolonial dictatorships and neo-authoritarian regimes are conditional and flexible. In situations critical to retaining power, neo-authoritarian regimes use a full range of practices of politically motivated violence intrinsic to dictatorships, while dictatorial regimes employ a wide array of methods of neo-authoritarian regimes to simulate compliance with modern requirements and demonstrate “softening of customs”. The article suggests a topical research trend – analysis of modern practices of authoritarian rule with regards to political and historical dynamics, endogenous and exogenous factors caused by postindustrial civilizational transit and impacting on such practices.

Keywords: authoritarianism, institution-targeted paradigm, authoritarian monarchy, communist regime, dictatorship, neo-authoritarian regime

About author:

Yulii A. NISNEVICH, Full Professor, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Politics and Governance.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119